

УДК 821.161.1-7.09"16"

DOI 10.25688/2076-913X.2020.39.3.02

**О.М. Буренко,
И.Н. Райкова**

«Сказание о роскошном житии и веселии» как модель рая в фольклорном ключе

В статье впервые рассматривается смеховая повесть XVII в. «Сказание о роскошном житии и веселии» как воплощение народных представлений о рае при помощи сравнительного анализа с фольклорными жанрами сказки и небылицы-перевертыша. Сделан вывод о повести как сложном и многомерном тексте, не только повествующем о мечтаниях обычного человека жить в довольстве и праздности, но и воссоздающем некую модель загробной, райской жизни, ориентированную на фольклорную традицию.

Ключевые слова: древнерусская повесть; фольклор; сказка; небылица-перевертыш; загробный мир.

Анонимный памятник русской демократической литературы XVII в. «Сказание о роскошном житии и веселии» сохранился в единственном, довольно позднем списке. В коллективной монографии о древнерусском смехе повесть отнесена к смеховым текстам переходной эпохи, безымянные авторы которых выступали носителями иного, противоположного официальному мировоззрения, создавали собственную картину мира, связанную со стихией смеховой культуры [7].

На наш взгляд, «Сказание...», обладая мировоззренческой глубиной и блестящей лаконичной формой, незаслуженно обделено вниманием исследователей: о нем писали лишь в трудах обзорного характера, сравнительный же анализ его с фольклорным материалом разных жанров предпринимается впервые.

Повесть детально описывает «идеальный» мир обжор и пьяниц, где всего вдоволь и все земные блага доступны каждому. Это некий рай для обычного человека, измученного тяжелым трудом и не имевшего опыта жизни в достатке. Рай, обещающий позаботиться о теле, а не о душе, а потому не имеющий ничего общего с традиционными религиозными представлениями о Царстве Христовом. В повести отсутствуют назидательные мотивы. В.П. Адрианова-Перетц справедливо отмечает, что «Сказание...», в котором «все чрезвычайно конкретно», «ни в малой мере не напоминает традиционные представления древнерусской литературы о рае» [5, с. 240].

Однако это и не «земной рай», подобный утопическим легендам о далеких счастливых землях вроде Даурии и Беловодья. Попытаемся доказать, что

«Сказание...» рисует рай в фольклорном ключе и его «идеальный» мир во многом ориентирован на народные представления о загробном существовании. Как было показано нами ранее, «фольклорный танатос», характерный для разнотнических традиций и разными гранями преломляющийся в нескольких жанрах, связан с неизменной верой «в то, что смерть физическая не финал» [13, с. 136]. Народ при этом может моделировать в текстах картину загробного мира («того света»).

Мы установили многообразные связи короткой повести талантливого автора с русской фольклорной традицией различных жанров: обрядовой поэзии, заговоров, паремий, но в рамках настоящей статьи остановимся только на двух — сказках и небывлицах.

Воздействие народной сказки на повесть можно проследить во многих чертах ее содержания и формы.

Жанр фольклорной сказки подразумевает отсутствие историчности повествования, сознательную установку на вымысел, создание особого условного мира, лишь отдаленно напоминающего реальность. «Сказание...» тоже повествование о невиданных фантастических местах, о событиях, происходящих в условном, нереальном времени, в котором отсутствует даже смена времен года. Окружающая действительность в ее зримой конкретике и явления, невозможные в реальном мире, гармонично сосуществуют и в сказке, и в повести.

Самое начало «Сказания...» позволяет провести параллель с устной народной сказкой, где есть устойчивая инициальная формула: «В некотором царстве, в некотором государстве». Открывая «Сказание...», читаем: «Не в коем государстве добры и честны дворянин вновь пожалован поместицом малым» [6, с. 409]. Помимо лексического сходства двух зачинов, очевидно использование автором ритмизованной прозы, присущей народной сказке. Ритмичность, даже напевность, сказочного повествования и в то же время смысловое выделение эпитета часто достигаются использованием инверсии, например: *красавица писаная; сыновья мои милые; солнце красное, речка быстрая* и пр. Подобное построение фраз есть и в «Сказании...», в самом его начале: «...рощей избранных, езерь¹ сладководных, рек многорыбных, земель доброплодных» [6, с. 409].

В повести встречаются и другие традиционные сказочные формулы, общие места. Так, для фольклорной сказки характерно описание условного места действия и перемещения героя. В «Сказании...» описание места представлено так: «И то ево поместье меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубров и садов и рощей избранных...» [6, с. 409]. Подчеркнута неопределенность и в то же время промежуточность местоположения: оно как бы на границе двух локусов. И не случайно здесь упоминание реки.

В фольклорных сказках кульминационные события происходят, например, *на калиновом мосту, на реке смородиновой*. Данная формула достаточно распространена и встречается в нескольких сюжетах: «Бой на Калиновом мосту»,

¹ Езерь — озёр.

«Иван Быкович», «Иван — крестьянский сын и мужичок сам с перст, усы на семь верст» и др. В.Я. Пропп выдвинул гипотезу, что подобное местоположение несет в себе скрытый смысл: герой находится между жизнью и смертью, река же выступает в качестве границы, это важный рубеж в путешествиях героя между двумя мирами [11, с. 182–190]. Река в мифологии и устной прозе многих народов мира символизирует границу между миром живых и миром мертвых. В контексте «Сказания...» подобная интерпретация пространственных координат «идеального царства» также оказывается небезосновательной.

К описанию пространства безымянный автор обращается еще раз в самом финале повести, и здесь мы читаем лаконичную и неоднозначную по смыслу, даже загадочную, фразу: «А кого перевезут Дунай, тот домой не думай» [6, с. 411].

По многим легендам, река Дунай протекает среди рая, а напиток воды из этой реки означает или забыть все, что любил до того, или оказаться навеки по ту сторону яви, или же прикоснуться к сакральным тайнам. То есть подтекст фразы раскрывает глубинный смысл произведения: попавший в «идеальный» мир навсегда забудет дорогу домой.

Идею того, что река Дунай и ее вода в фольклоре славянских народов открывает путь на тот свет, была разработана Д.А. Мачинским в книге «Скифия — Россия. Узловые события и сквозные проблемы» [8, с. 9–11]. Ученый пишет о многозначном образе реки Дунай как сакрального места, которое, наряду с прочим, связано у восточных славян с образом смерти, переправой в загробный мир. В качестве примера он приводит севернорусский заговор, описывающий Дунай как некое отдаленное священное место: «На восточной стороне есть Дунай река. Через ту Дунай реку есть калинный мост, на том мосту стоит стол. На том столе сидит мать пресвета богородица...» [8, с. 10]. Данный текст содержит и примечательную отсылку к «калинному мосту» — варианту упоминавшегося нами калинового моста русской сказки как пограничного локуса.

В.Я. Петрухин, опираясь на выводы Д.А. Мачинского и лингвистический материал, найденный Т.В. Цивьян [14, с. 167–200], привлекает тексты болгарских и русских свадебных песен, включающие реку Дунай в образную картину рая [10, URL]. Для нас наибольший интерес представляет украинская традиция, представлявшая Дунай в образе Млечного Пути — дороги из Москвы в Иерусалим, о которой говорят: «Пишов на Дунай, та и до дому не думай», что практически дословно совпадает с концовкой «Сказания...». Интересно, что в повести намек более прозрачный: за Дунай человек не пойдет сам — его «перевезут».

Многие исследователи в обзорных материалах отмечали, что эта повесть — литературная версия сказки о молочных реках с кисельными берегами. В современном словоупотреблении «молочные реки с кисельными берегами» — распространенный фразеологизм, обозначающий неисчерпаемое богатство, изобилие всего желаемого, о котором можно только мечтать. Согласно

фразеологическому словарю реки из молока являются образом постоянного источника жизни в неограниченном количестве, что символизирует изобильную, роскошную жизнь. Кисельные же берега дополняют этот образ, создают его национальную самобытность, так как кисель — обрядовое блюдо славян. В словарной статье отмечена связь с народными представлениями о том свете: река как переправа и кисель как поминальная пища [2]. В наши дни выражение чаще употребляется иронически, когда подразумеваются несбыточные желания.

Такие удивительные реки упомянуты во многих сюжетах волшебных сказок, например «Три царства — медное, серебряное и золотое»: действие ее якобы происходило «в то давнее время, <...> когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки» [3, с. 195] (кстати, и в «Сказании...» упомянуты золотые, серебряные и медные руды).

Данный фразеологизм восходит к древнему осознанию мира в координатах, определенных мифологическими оппозициями «свой — чужой», «далекий — близкий». Согласно гипотезам об исторических корнях двоемирия волшебной сказки молочные реки и кисельные берега находятся в царстве мертвых, далеко от реального мира. Это своеобразный сказочный рай, место, где также светит солнце, есть птицы и животные, но там представлены неисчисляемые богатства в виде золота и драгоценностей. В этом царстве всегда неисчерпаемое изобилие, роскошь, «вечное потребление» [11, с. 251–252].

«Сказание...» по содержанию полностью соответствует этому определению. Птицы, рыбы, звери, золото, драгоценные камни, нескончаемое веселие и праздность представлены в нем с поистине сказочным размахом. Это такое царство, которое находится «далеко» от «своих», но там всего не только достаточно, но и в избытке.

Отметим, что в некоторых сюжетах волшебной сказки, к примеру, о Василисе Премудрой молочные реки преобразованы в медовые реки, но общее значение символа остается прежним: обилие, достаток, добавилась еще и коннотация сладкой жизни. В русских сказках традиционна концовка: *И я там был, мед, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало*, — как шуточное, балагурное свидетельство сказочника, якобы он лично присутствовал на свадьбе главных героев и может выступать ее свидетелем. Однако по вариантам изображаемая картинка настолько нереальна, что доказывает обратное: как не может быть такого пира, так и не было в действительности событий сказки. Так, в сказке «Иван Быкович»: «На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка, да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал упираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!» [3, с. 232]. Здесь сказочник и шутовской колпак надевает на себя.

В сказочной концовке заявлена и традиционная вакхическая тема (если ближе к древнерусской книжности — тема бражничества): алкогольным

напитком в ней является не только пиво/вино, как можно было бы подумать, но и мед, поэтому «мед пил», а не ел. Питный мед, ставленный мед, хмельной мед — старинные русские (и не только — они бытовали у всех народов Европы) напитки. В древности пчелы представлялись насекомыми, добывающими мед из небесной реки, поэтому медовый напиток связывался с потусторонним миром и идеей бессмертия.

Вариант концовки, в котором прямо говорится о пьянстве и сытости, приводит В.И. Даль в разделе «Присказки» своего собрания: «Я сам там был, мед и пиво пил, по усам текло, в рот не попало, на душе пьяно и сытно стало» [4, с. 806].

Гиперболизированное сказочное хмельное застолье изображено и в «Сказании...». Здесь присутствует огромное количество алкоголя всех возможных сортов, среди которых есть те же фольклорные мед и пиво: «Стоят велики чаны меду, сороковыя бочки вина, стоновыя делвы ренскова и рамонеи, балсамов и тентинов, и иных заморских драгоценных питий множество много. И браги, и бузы, и квасу столь множество, что и глядеть не хочется» [6, с. 410].

Далее по тексту этот образ развивается и приобретает фантастические черты. В идеальной стране алкоголь не производится, не добывается, а «самороден»: его рождает матушка-земля, он часть природной среды, а поэтому, на радость бражникам, неиссякаем: «Да там же есть озеро не добре велико, исполненно вина двойнова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк пришед — хотя ковшем или ставцом, припадкою или горьстью, — бог в помощь, напивайся. Да близко ж тово целое болото пива» [6, с. 410].

Мотив «самородности» жизненных благ, очевидно, пришел в повесть из волшебной сказки, где у героев есть целый магический арсенал: чудесный помощник, чудесные предметы, волшебные слова, способности к превращениям и необыкновенным пространственным перемещениям. Для того чтобы получить пищу, питье, одежду и прочее, человеку в «Сказании...» не приходится прикладывать никаких усилий. Мотив является сквозным: «Там бо того много, а все самородно» [6, с. 410]; «А жены там ни прядут, ни ткут, ни платья моют, ни кроят, ни шьют, и потому что всякова платья готоваго много» [6, с. 411]. Ср.: в сказке «Три царства...» «Иван-царевич <...> изрезал на клочки все атласы и бархаты и выкинул за окно; растворил золотое царство, взял оттуда что ни есть лучшее платье...» [3, с. 198].

Все на потребу человеку, все по одному только человеческому желанию и хотению. Классическим примером исполнения всех желаний без приложения усилий может служить известная сказка «По щучьему велению», в которой щука в обмен на свободу готова исполнить любое желание Емели: «Говорит ему щука человеческим голосом: “Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю: чего душа твоя пожелает, все у тебя будет! Только скажи: по щучьему велению, по божьему благословению явись то-то и то-то — сейчас явится!”» [3, с. 328].

Отметим и другие элементы, сближающие «Сказание...» с фольклорной сказкой: занимательное красочное описание, позитивное восприятие природы как высшей ценности (природа дает жизнь и все жизненные блага человеку), самоирония, оптимизм, безобидное лукавство рассказчика.

Как известно, сказка содержит, кроме всего прочего, морально-нравственный посыл, скрытую, прямо не выраженную назидательность, «добрым молодцам урок», по словам А.С. Пушкина. Назидательным для читателей может стать и последующее осмысление «Сказания...», наталкивающее на мысль о том, что отсутствие всякой меры и избыточность во всем скорее послужит во зло, а не во благо человеку, человечеству, природе.

После того как мы выявили основные сходные черты народной сказки и «Сказания...», обратимся к одному принципиальному отличию между ними. Волшебная сказка имеет достаточно строгую структуру и характеризуется определенным набором традиционных мотивов, обозначающих значимые для дальнейшего хода сюжета действия персонажей, по В.Я. Проппу — функции персонажей: отлучка, запрет, нарушение запрета, вредительство, начинающееся противодействие, отправка из дома, первая функция дарителя и т. д. — их всего 31. Характерным для сказки является и наличие в ней устойчивых типов персонажей — это герой, чудесный помощник, даритель, антагонист, ложный герой, отправитель и невеста [12]. Кроме того, в сказке действие разворачивается стремительно, в ней немало конфликтов (героя и антагониста, героя и ложных героев и др.), ключевых и более частных, острых и не очень, которые должны так или иначе разрешиться к финалу.

Так вот, всего этого в «Сказании...» нет. Нет героев, так как героем предлагается стать каждому. Отсутствует сюжет как таковой — возможно, предлагается каждому, попавшему в этот «идеальный» мир, создать свою собственную историю. В повести отсутствует и какой-либо конфликт. Это, на наш взгляд, значимая идейная позиция автора: для конфликтов нет поводов; жизнь в «идеальном» царстве принципиально беззаботна, беспечальна и бесконфликтна. Причем от начала до конца повествования эта статика сохраняется, ее ничто не омрачает в отличие, например, от сюжета сказки «Беспечальный монастырь», где царь решил «озаботить» настоятеля и монахов, загадав им хитроумные загадки.

Обратимся к другому фольклорному жанру. Небылицы, небывальщины, небылицы-перевертыши — жанр устного народного творчества, в основе которого лежит нарочито искаженное, «перевернутое» изображение действительности. Текст отличается небольшим объемом, комическим содержанием и предназначен для развлечения. В последнее время небылицы перешли в детский фольклор, став разновидностью прибауток. В небылицах-перевертышах налицо утрированное произвольное смещение всех реальных жизненных связей и отношений, и ребенок на определенном этапе взросления, осознавая, что это шутка, утверждает в знании правильного миропорядка [9, с. 13].

В повести единожды типичная формула небылицы использована буквально, и это снова почти финальный аккорд текста: «А там берут пошлины неболшия: за мыты², за мосты и за перевозы — з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всево обозу по людям» [6, с. 411]. Требование сдать при переправе через Дунай в качестве пошлины с дуги по лошади, с шапки по человеку и т. д. — ситуация абсурдная, выворачивающая реальность наизнанку. На наш взгляд, мотив взимания с неодушевленных предметов одушевленные — еще один аргумент в пользу предположения о том, что уход в «идеальный» мир символичен и под ним подразумевается переход из мира жизни в мир смерти. Тогда требование оставить все вещественное по эту сторону яви и отправиться далее в путь без вещей кажется не таким уж и абсурдным, а скорее зашифрованным посланием к читателю.

Оформлен этот скрытый смысл в небылицу, близкую такому, например, фольклорному образцу:

Ехала деревня
Мимо мужика,
Вдруг из-под собаки
Лают ворота,
Выскочила палка
С бабою в руке
И давай дубасить
Коня на мужике.
Лошадь ела сало,
А мужик овес,
Лошадь села в сани,
А мужик повез [1, с. 159].

Здесь тоже происходит мена живого и неживого, человеческого и животного и пр. В этом отношении небылицы близки к загадкам, где далекие, казалось бы, предметы и явления, свободно уподобляясь друг другу, вскрывают глубинные связи всего сущего.

Фольклорные небылицы можно считать и пародией на волшебную сказку: в них все доводится до абсурда и это позволяет достигнуть наибольшего комического эффекта. В «Сказании...» мы также обнаруживаем вымышленные образы, причем вымысел, гиперболизация представлены в гротескном варианте. Например, рыб в этом царстве так много, что их можно из окна ловить руками (и при этом, заметьте, они остаются живыми); целое болото пива, которое невозможно выпить, и т. д. То есть характер фантастики «Сказания...» позволяет в целом уподобить его жанру фольклорной балагурной небылицы-перевертыша.

«Вывернутый наизнанку» мир — нередкий объект древнерусского смеха, но и некий образ потустороннего загробного «перевернутого» мира.

² Мыты — сбор за проезд, провоз товара.

Проведенный анализ материала позволяет сделать вывод о том, что повесть «Сказание о роскошном житии и веселии» является сложным и многомерным текстом, не только повествующим о мечтаниях обычного человека жить в бесконечном довольстве и праздности, но и воссоздающим некую модель загробной, райской жизни русского человека семнадцатого столетия, ориентированную на фольклорную традицию. Можно высказать предположение, что «Сказание...» — своеобразное зашифрованное фантазийное описание загробного мира, находящегося где-то по ту сторону реки Дунай.

Библиографический список

Источники

1. Детский фольклор / сост., вступит. ст., подгот. текста и коммент. М.Ю. Новицкой и И.Н. Райковой. М.: Рус. книга, 2002. 560 с. (Библиотека русского фольклора; Т. 13).
2. Захаренко И.В. Молочные реки и кисельные берега [Электронный ресурс] // Большой фразеологический словарь русского языка / сост. Е.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/157/molochnye-reki-i-kiselnye.htm> (дата обращения: 05.06.2020).
3. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. / изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 1. 512 с. (Лит. памятники).
4. Пословицы русского народа: сборник В.И. Даля. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Медиа, 2007. 814 с.
5. Русская демократическая сатира XVII века / подгот. текста, ст. и коммент. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., доп. М., 1977. 240 с.
6. Сказание о роскошном житии и веселии // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2010. Т. 16: XVII век. С. 409–411.

Литература

7. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
8. Мачинский Д.А. Скифия – Россия. Узловые события и сквозные проблемы: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. 490 с.
9. Новицкая М.Ю., Райкова И.Н. Детский фольклор и мир детства // Детский фольклор / сост., вступит. ст., подгот. текста и коммент. М.Ю. Новицкой и И.Н. Райковой. М.: Рус. книга, 2002. С. 5–53. (Библиотека русского фольклора. Т. 13).
10. Петрухин В.Я. Дунай [Электронный ресурс] // Краткая энциклопедия символов. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Дунай> (дата обращения: 04.06.2020).
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. 336 с.
12. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
13. Романова Г.И. Русская литература в исследованиях славистов. Междунар. науч. конф. «Танатос» (Польша, Вроцлавский университет, 11–12 мая 2017 г.) // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3. С. 134–139.
14. Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. М.: Индрик, 1999. 374 с.

References

Istochniki

1. Detskij fol'klor / sost., vstupit. st., podgot. teksta i komment. M.Yu. Noviczkoj i I.N. Rajkovej. M.: Rus. kniga. 2002. 560 s. (Biblioteka russkogo fol'klora; T. 13).
2. *Zaxarenko I.V.* Molochny'e reki i kisel'ny'e berega [E'lektronny'j resurs] // Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazy'ka / sost. E.N. Teliya. M.: AST-Press, 2006. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phrasological-dictionary/articles/157/molochnyereki-i-kiselnye.htm> (data obrashheniya: 05.06.2020).
3. Narodny'e russkie skazki A.N. Afanas'eva: v 3 t. / izd. podgot. L.G. Barag, N.V. Novikov. M.: Nauka, 1985. T. 1. 512 s. (Lit. pamyatniki).
4. Poslovicy' russkogo naroda: sb. V.I. Dalya. 3-e izd. M.: Rus. yaz.; Media, 2007. 814 s.
5. Russkaya demokraticeskaya satira XVII veka / podgot. teksta, st. i komment. V.P. Adrianovoj-Peretcz. 2-e izd., dop. M., 1977. 240 s.
6. Skazanie o roskoshnom zhitii i veselii // Biblioteka literatury` Drevnej Rusi / pod red. D.S. Lixacheva, L.A. Dmitrieva, N.V. Pony'rko. SPb.: Nauka, 2010. T. 16: XVII vek. S. 409–411.

Literatura

7. *Lixachev D.S., Panchenko A.M., Pony'rko N.V.* Smex v Drevnej Rusi. L.: Nauka, 1984. 295 s.
8. *Machinskij D.A.* Skifiya – Rossiya. Uzlovy'e soby'tiya i skvozny'e problemy': v 2 t. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaxa, 2018. T. 2. 490 s.
9. *Noviczka M.Yu., Rajkova I.N.* Detskij fol'klor i mir detstva // Detskij fol'klor / sost., vstupit. st., podgot. teksta i komment. M.Yu. Noviczkoj i I.N. Rajkovej. M.: Rus. kniga, 2002. S. 5–53. (Biblioteka russkogo fol'klora. T. 13).
10. *Petruxin V.Ya.* Dunaj [E'lektronny'j resurs] // Kratkaya e'nciklopediya simbolov. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Dunaj> (data obrashheniya: 04.06.2020).
11. *Propp V.Ya.* Istoricheskie korni volshebnoj skazki. M.: Labirint, 2002. 336 s.
12. *Propp V.Ya.* Morfologiya volshebnoj skazki. M.: Labirint, 2001. 192 s.
13. *Romanova G.I.* Russkaya literatura v issledovaniyax slavistov. Mezhdunar. nauch. konf. «Tanatos» (Pol'sha, Vroczlavskij universitet, 11–12 maya 2017 g.) // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoje obrazovanie. 2017. № 3. S. 134–139.
14. *Cziv'yan T.V.* Dvizhenie i put' v balkanskoj modeli mira. M.: Indrik, 1999. 374 s.

O.M. Burenko,
I.N. Raikova

«A Tale of a luxurious Life and Fun» as a Model of Paradise in the Folk Perspective

The article is a pioneer in considering the laughing story of the XVII century «A tale of a luxurious life and fun» as the embodiment of folk ideas about Paradise by means of a comparative analysis with the folklore genres of fairy tales and fable-shifter. The conclusion is drawn about the story as a complex and multidimensional text that not only dwells on the aspirations of an ordinary person to live in contentment and idleness, but also recreates a certain model of the afterlife, Paradise life, focused on the folklore tradition.

Keywords: ancient Russian story; folklore; fairy tale; fairy tale-shifter; afterlife.